УДК 94(47).02.

КЛЯТВА РУСОВ ПЕРУНОМ И ВОЛОСОМ В РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИХ ДОГОВОРАХ X ВЕКА

Л. Н. Аряев

В договорах с Византией русы, носящие норманнские имена, клянутся именем славянских богов Перуна и Волоса. Предлагаемые ранее объяснения этого парадокса не подтверждаются источниками. Согласно предлагаемой реконструкции, русы клялись Тором, который в греческих подлинниках договоров обозначался либо как Зевс (Юпитер), либо как творец молний. При переводе договоров или при составлении Начальной летописи он был назван Перуном. Появление в договорах 907 г. и 971 гг. Волоса связано с редактурой летописца.

Ключевые слова: русско-византийские договоры 907, 911, 944, 971 гг., клятва, Перун, Волос, Тор, св. Власий, славяно-скандинавские контакты.

Русско-византийские договоры X века, дошедшие до нас в составе «Повести временных лет» (далее – ПВЛ) – один из немногих документальных источников по древнейшей истории Руси. С самого зарождения отечественной исторической науки исследователи неизменно уделяли им самое пристальное внимание [3]. Тем не менее, в этом древнерусском аналоге «Списка кораблей» многое все еще остается неясным. Данная работа посвящена обсуждению двух фундаментальных загадок, связанных с русско-византийскими договорами: 1) почему в этих договорах русы, нося норманнские имена и будучи посланцами князей скандинавской династии Рюриковичей, приносят клятву именем славянских божеств – Перуна и Волоса; 2) почему в договоре 944 года русы клянутся только Перуном, не упоминая «скотьего бога» Волоса, в то время как в договорах 907 и 971 гг. Волос присутствует? [33, с. 32, 47-48, 53-54, 74; 34, с. 23, 36, 42, 61].

По первому вопросу предложено несколько возможных решений. Первое, наиболее популярное во времена господства советского официального антинорманизма – славянское происхождение руси. Клятва русов Перуном и Волосом неизменно была одним из главных аргументов антинорманистов [8, с. 194; 17, с. 370]. Однако, не говоря уже о том, что антинорманистская парадигма не приемлема для подавляющего большинства современных исследователей и вступает в резкое противоречие с массивом данных других письменных и археологических источников, такого рода толкование все равно не проясняет, почему в договорах с Византией люди с именами Фарлаф, Ивор или Шигоберн поминают Перуна, забывая про Тора. Откуда бы ни выводили Русь гонители норманнов – из руян ли, роксолан, антов или от библейского народа рош – несоответствие между этнической принадлежностью и религиозными верованиями послов будет требовать особого объяснения. По той же причине не может быть признана убедительной еще одна традиционная отговорка антинорманистов, не так давно повторенная покойным украинским академиком П. П. Толочко: «их [варягов] норманнская этничность никак не отрицала того непреложного факта, что они были посланниками русских князей и восточнославянского государства Русь» [41, с. 28], тем более что русские князья того времени тоже носили скандинавские имена Рюрика (Хрерика), Игоря (Ингвара) и Олега (Хельги).

Второе возможное решение заключается в том, что варяги, переселяясь в славянские земли, перенимали местные культы. Как писал Л. С. Клейн, варяги «были убеждены, что каждой страной распоряжаются свои, местные боги. По-

этому, прибывая в чужую местность, они снимали изображения своих богов с носов кораблей и прятали в трюм. На новом месте они поклонялись чужим богам. Это было тем более легко, что славянские языческие боги мало отличались от славянских, имею ту же специализацию» [12, с. 208]. Эту же мысль Клейн повторил в своей монографии о славянском язычестве: ««Что же до отсутствия скандинавских богов [в русско-византийских договорах], то надо ведь учесть, что, по скандинавским нормам, боги сильны только на своих землях. Скандинавы, причаливая к чужим берегам, снимали своих идолов с носов кораблей и прятали в трюм. На чужой земле господствовали чужие боги, и надо было молиться им и задабривать их. Это было одним из каналов славянизации варягов, осевших в славянских странах. Впрочем, амулеты-обереги (молоточки Тора) скандинавы продолжали носить и на новой земле. Таким образом, хотя обряды и клятвы могут быть со значительным скандинавским вкладом, боги, которыми клянутся князья и их дружинники – это боги местные, славянские» [11, с. 142].

К сожалению, Лев Самуилович не пояснил, из какого источника он почерпнул сведения о том, что по прибытии в новые земли варяги прятали изображения своих богов. Можно догадываться, что он подразумевал «Книгу о занятии земли» Ари Торгильссона (1067–1148), на которую ссылался и В. Я. Петрухин, писавший: «Скандинавы стремились заручиться поддержкой чужих богов настолько, насколько это позволяла этика викингов. В исландской „Книге о взятии земли“ рассказывается о том, что первые поселенцы снимали со штевней своих ладей устрашающие головы драконов, чтобы не запугать духов-хранителей местной земли. Дружинники первых русских князей – Олега и Игоря – заключая мирные договоры с греками, клялись по своим обычаям – на оружии и кольцах – но именами славянских богов Перуна и Волоса: ведь они пришли из славянских земель» [32, с. 281]. Действительно, в седьмой главе четвертой части «Книги о взятии земли» упоминаются языческие законы, запрещающие подплывать к берегу с носовыми фигурами драконов на кораблях, дабы не пугать духов страны оскаленными драконьими пастями. Забота о местных духах, однако же, не отменяла почитание богов скандинавского пантеона, как это следует из дальнейшего текста данной «Книги…»: по тем же самым законам каждый, кто собирался выступать в суде, должен был дать клятву на священном кольце, призывая себе на помощь Фрейра и Ньёрда [48, p. 176-177].

Таким образом, *единственный* пример, приводимый в пользу предположения о «языческом прозелитизме» скандинавов, свидетельствует скорее об обратном – уважительно относясь к местным духам, норманны не забывали и своих богов. Других же примеров просто нет. Зато есть пример другого рода: в «Саге о людях с Песчаного берега» Хорольф, спасаясь бегством от Харальда Прекрасноволосого в Исландию, берет с собой не только идола Тора, но и бревна из святилища и землю из-под жертвенника, а по прибытии в Исландию воздвигает новое святилище с жертвенником и идолом, на содержание которого назначается особый налог [9, с. 25]. Можно ли тогда представить, что из числа пришедших в Восточную Европу норманнов одна часть стала христианами (они упоминаются в договоре 944 года), другие – приняли веру славян, но никто не сохранил культы Одина или Тора?

Как правило, языческие народы отказывались от своих древних родовых верований в пользу монотеистической религии, а не язычества чужого. Монотеистическим религиям Средневековья был свойственен активный прозелитизм, они обладали давними, опирающимися на античное наследие культурными традициями и располагали поддержкой светских властей. Все это обеспечило миссионерские успехи христианства у соседних «варварских» народов, в том

числе и среди норманнов. Ничего из перечисленного не было у восточнославянского язычества, и потому его успех среди скандинавов – русов выглядит неожиданным, уникальным и необъяснимым. Другое дело, что варяги могли заимствовать у славян какие-то отдельные черты их обрядов и даже почитание местных духов, на что указывает, например, свидетельство Константина Багрянородного о ритуалах русов у дуба на острове Хортица и о принесении в жертву петухов [49, p. 60]. Также славянским влиянием можно объяснить человеческие жертвоприношения русов на похоронах, описанные Ибн-Фадланом [35, с. 80-83] и Львом Диаконом [18, с. 78]; впрочем, как явствует из «Краткой Песни о Сигурде», в которой Брунхильда призывает положить на погребальный костер пять служанок и восьмерых слуг высокого рода [50, s. 200], подобная обрядность не была чужда и скандинавской культуре. Так или иначе, заимствование отдельных ритуалов и обрядов – далеко не то же самое, что поклонение чужим богам.

Третье объяснение, тесно переплетенное со вторым – быстрая ассимиляция пришлых варягов в среде восточных славян. Дети и внуки пришельцев уже считали себя славянами, и соответственно, приносили клятву именем славянских богов. Что скандинавы достаточно быстро ассимилировались – сомнений не вызывает. Но такое объяснение выглядит более или менее убедительным разве что в случае Святослава – первого русского князя со славянскими именем, приносящего клятву Перуном и Волосом (хотя и в его договоре фигурирует явно скандинавское имя Свенельд). Но насколько корректно говорить об ассимиляции Игоря, Олега и их сподвижников, многие из которых только-только пришли «из-за моря?». В договорах 907 и 911 гг. славянских имен не читается вообще, в договоре 944 г. *бесспорно* славянский именослов ограничивается тремя именами – Святослава, Предславы и Володислава [33, с. 46; 34, с. 35]. Даже если счесть славянскими спорные имена Синько, Борича, Либи, Ятвяга, Воиста и Воика, общее число славянских имен в договоре 944 г. составит лишь 6% (25, с. 12). Правдоподобно ли предположить, что русы X века, еще сохраняя скандинавские имена, сменили скандинавские верования на славянские?

Однако именно на X век приходится основной массив археологических находок в Восточной Европе, связанных с предметами норманнского культа. Десятки «гривен Тора», часть из них с молоточками и с другими привесками найдены в погребениях и на поселениях в Старой Ладоге, Новгороде, Рюриковом Городище, Гнездово, Пскове, Тимерево, Сарском городище, Супрутах, Ваулино, Веси, Витебске, Шестовице, Пекарях [2, с. 113]. Явную связь со скандинавским религиозным культом имеют кресаловидные и шитообразные привески из Гнездова, Старой Ладоги, Скадино, Тимирево, Шестовицы, Сарского Городища [28]. Такие находки, как ритуальные «кольца клятвы» на Рюриковом городище, рукоять с Неревского конца Новгорода с сидящей антропоморфной фигуркой (возможно, изображающей бога Тора), предполагаемый бронзовый идол Тора из кургана Черная могила, изображение Одина с воронами из кузнечного клада в Старой Ладоге середины VIII века и на подвеске из Гнездово X века, две фигурки валькирий из Гнездова, рунические подвески – амулеты из Рюрикова городища, изображения трикветры в Супрутах, в Гнездово и на моржовом клыке из Рюрикова городища (где оно соседствует с трискелионом), металлические стерженьки («жезлы Вёльвы») из погребения в Шествовице и т. д. [27; 2, с. 113; 28] – недвусмысленно говорят о том, что, проживая в славяно-финской среде, скандинавы продолжали сохранять свой религиозный культ. Свидетельствами сохранения варягами-русами X века своей скандинавской идентичности являются также рунические надписи, обнаруженные на сотнях арабских монет из восточноевропейских

кладов, на амулетах из новгородского Городища и Старой Ладоги, на мемориальном камне острова Березань, на деревянном стержне из Старой Ладоги, на берестяной грамоте из Смоленска, на пряслицах из Звенигорода и Плеснеска, на костях животных из Масковичей, амфоре из Белгорода, каменном навершии из Даугмале, фрагменте кости из Новгорода, игральной кости из Полоцка, литейной форме из Суздаля, фрагменте кости из Углича. [24]. Наконец, о сохранении скандинавами в Восточной Европе своих религиозных представлений говорят похоронные обряды (камерные погребения, сожжение в ладье, сожжение с захоронением в урне, поставленной на глиняную или каменную вымостку, сожжение под курганом, окруженным кольцевидной каменной кладкой, с кострищем треугольной формы), следы которых обнаружены в курганах юго-восточного Приладожья, Пскова, Ярославского Поволжья, Гнездова, Шестовиц, Чернигова и Киева [13; 26; 31].

Конечно, в новой среде изначальная религиозно-этническая скандинавская основа не могла не подвергаться определенной «эрозии», о чем, среди прочего, свидетельствует убывание количества соответствующих археологических находок по направлению с севера на юг: скандинавских религиозных предметов много в Ладоге и очень мало в Среднем Поднепровье. Однако же это «размывание» скандинавской религиозной «идентичности» связано скорее не со славянским и финским язычеством, а с влиянием христианства. На постепенную христианизацию русов указывают крестообразные подвески и крест-мощевик (энколпион) начала X века из Ладоги, серебряный энколпион из Углича второй половины X века, медный и бронзовый кресты-мощевики из Гнездова, использование восковых свечей в погребениях Гнездова, крестообразные подвески в десятках могил X и XI веков в Гнездово, Киеве, Шестовице, Тимерево и Подгорцах. [7; 47]. Влияние христианства прослеживается и в камерных погребениях в гробах, обнаруженных в Старой Ладоге, Пскове, Гнездове, Шестовицах и Киеве. [26, с. 67-70]. Нет сомнений, что крещение Руси во многом ускорило процесс аккультурации скандинавов в Восточной Европе. Однако в X веке этот процесс был еще далек от завершения.

Примечательна находка, сделанная на Рождественском некрополе Пермского края: трапецевидная подвеска со знаком Рюриковичей (трезубец Владимира Святославича) на одной стороне и изображением меча, соединенного с молотом Тора – на другой [16]. Каким бы путем не попала эта подвеска в пермские края, являлась ли она знаком княжеской собственности или «печатью для купцов» - несомненным представляется, во-первых, ее официальный характер, во-вторых – связь личного знака Владимира с изображением Мьёлнира. Мьёльнир известен только в скандинавской мифологии, атрибутом Перуна он не был никогда. Это значит, что до своего крещения Владимир, хотя и носил уже во втором поколении славянское имя, продолжал почитать Тора. Это делает еще менее вероятным, что Олег или Игорь поклонялись Перуну.

Но, может быть, русы, продолжая поклоняться своим скандинавским богам, называли их заимствованными у славян именами, как это предполагал F. Haase [51, с. 49][1]? Проверить такую догадку трудно, поскольку данные о языковых контактах скандинавов, славян и финно-угров исчезающе скудны. Судя по всему, эти контакты были довольно ограничены. Несмотря на несомненное присутствие норманнов на Руси с конца VIII до середины XI вв., в древнерусский язык попало всего несколько десятков скандинавских слов. Норманны практически не

[1] Впрочем, сам Haase не был уверен в этом объяснении и в том же месте предлагал другое: Тора, изначально стоявшего в договоре, поменял на знакомого ему Перуна русский летописец. Это объяснение предполагает, во-первых, что в византийском подлиннике был прямым текстом указан Тор, во-вторых – что русский летописец начала XII века знал скандинавскую мифологию. И то и другое маловероятно.

оставили никаких следов в восточноевропейской географической топонимике. Почему это произошло – помогает понять наш отечественный аналог Розеттского камня, т. е. список русских и славянских названий днепровских порогов в сочинении Константина Багрянородного. Какие бы названия порогов – норманнские или славянские – не считать первичными, совершенно ясно, что скандинавы и славяне, заимствуя друг у другу географические названия, не транслитерировали, а переводили их. Маловероятно, что при заимствовании религиозного пантеона было бы по-другому. Иными словами, если бы скандинавы и уловили сходство Тора с Перуном, они скорее бы сказали: «Славяне поклоняются Тору», нежели «мы поклоняемся Перуну».

Все приведенные гипотезы имеют общую черту: они исходят из того, что Перун и Волос фигурировали уже в изначальных подлинниках договоров. При этом «за скобки» выносится то обстоятельство, что до нас дошел в лучшем случае перевод договоров, записанный не ранее начала XII века. Создается впечатление, что та удивительная точность, с которой в переводе переданы имена послов, заставляет исследователей априорно предполагать ту же скрупулезность в транслитерации имен божеств, которыми эти послы клялись. Почему в написании имен русских послов не ощущается влияния греческого посредничества – особый сложный вопрос, ответа на который в ближайшей перспективе не предвидится [42, с. 132; 23, с. 84-85]. Предположения о существовании русских дубликатов договоров выдвигались ранее [29], но в настоящее время подвергаются сомнению [6]. На сегодняшний день наиболее обоснованным выглядит предположение Я. Малигунди, что читаемые в ПВЛ тексты договоров являются переводами с византийских копийных книг, причем перевод достаточно точно отражает особенности византийской правовой и дипломатической лексики [20, с. 201; 21; 22].

Тем не менее, во внесенных в летописях текстах договоров есть несомненные следы правки, совершенной либо переводчиком, либо составителем ПВЛ, например, упоминание в числе русских городов Переяславля, который, согласно археологическим данным, появился не ранее конца X века [15, с. 128]. Да и названия Киева и Чернигова в греческом оригинале договоров должны были писаться по-другому, скорее всего близко к тем формам, которые указаны у Константина Багрянородного – Чернигва, Киоаба [49, p. 56]. Летописец, опознав знакомые названия, привел их в славянском варианте и дополнил Переяславлем, отразив современную ему ситуацию начала XII века, когда Переяславль был одним из важнейших центров Руси [52]. Нет ничего заведомо невероятного в предположении, что и при передаче имен языческих богов летописец отразил не столько особенности исходного греческого текста, сколько собственные познания о языческом пантеоне.

О том, что каких-либо следов знакомства со скандинавской мифологией в древнерусской литературе не прослеживается, известно давно – на это обстоятельство любят указывать антинорманисты. Чего они предпочитают не замечать – так это того, что в Древней Руси не знали и никаких других языческий пантеонов, за исключением *фрагментов* из славянского, античного и ближневосточного (посредством Библии, упоминающей Ваала). При этом все языческие культы, в качестве «идолотворения», мыслились древнерусскими книжниками местными вариантами одной и то же неправильной веры, следствием отпадения людей (под воздействием человеконенавистника дьявола) от изначальной веры в Творца [33, с. 91; 34. с. 78-79]. Поэтому боги различных пантеонов считались не просто изоморфными другу – это были одни и те же языческие ложные боги, их имена были взаимозаменяемы. В славянском переводе Хроники Иоанна Малалы, отрывок из которого был внесен в Ипатьев-

скую летопись под 1114 годом, кузнечный бог Гефест получил славянское имя Сварог, а солнечный бог Гелиос был назван Даждьбогом [10 с. 69, 34. с. 278-279]. В славянском переводе «Александрии» Псевдо-Каллисфена македонский царь титулуется как «сын божий, *Пороуна* велика, царь Александр, еже есть всем человеком владыка»; в греческом оригинале в данном месте стоит родительный падеж имени Зевса Διός [1, с. 114]. В апокрифическом «Слове и откровении святых апостол» эллинам приписывается поклонение Перуну, а киприотам – Хорсу [4, с. 315-316]. Бывали и обратные случаи: в одном из поздних (XVI в.) списков «Слова о том, како крестися Владимир, возьмя Корсунь» Перун назван Аполлоном [44, с. 40]. В московском распространенном житии Владимира по списку начала XVII века Владимир приказывает свергнуть в Почайну «Аполоса, его бо скотия богу именоваху» [37, с. 24]. В целом, никакой системы или последовательности в передаче языческих наименований в древнеславянской литературе не прослеживается: в том же переводе хроники Малалы наряду со Сварогом и Даждьбогом фигурируют Арес и Афродита [10б с. 69] – может быть, потому что переводчик просто не нашел подходящих славянских эквивалентов. В «Слове отца нашего Иоанна Златоуста» всем древним язычникам, без всяких этнических различий, приписывается поклонение «перену, хоурсу, вилам и мокоши» и вера в «сварожича» и в «артемиду» [4, с. 323]. В одном из списков апокрифической «Беседы трех святителей» «громными ангелами» названы «елленский старец Перун и Хорс жидовин» [46, с. 52]. Таким образом, превращение скандинавского бога – громовника в древнерусском тексте в Перуна выглядит не только вероятным, но и ожидаемым, особенно с учетом того, перед тем как попасть на страницы ПВЛ, имя «Тор» должно было пройти через «фильтр» греческих оригиналов русско-византийских договоров.

Византийские авторы в тех редких случаях, когда они упоминали персонажей из языческих пантеонов, передавали их имена на античный манер, по принципам intepretatio Romana или interpratatio Graeca. Или же они вообще не называли имени языческого божества, ограничиваясь указанием его функцию: Прокопий Кесарийский писал о поклонении славян и антов богу – творцу молнии [53, p. 270]. Если русы Олега и Игоря клялись Тором, в византийском тексте он запечатлелся бы либо как Зевс или Юпитер, либо как анонимный творец молний. И в том и в другом случае переводчику договоров либо же составителю ПВЛ не составило бы труда соотнести его со славянским Перуном.

Такое предположение имеет то преимущество, что позволяет наиболее экономным образом объяснить несоответствие между этнической и религиозной идентичностями русов из договоров X века, не прибегая к гипотезам, которые противоречат другим письменным и археологическим источникам (о принятии варягами славянского язычества, об их ассимиляции славянами уже во времена Олега и Игоря, о славянском происхождении варягов и/или руси).

Однако остается нерешенной проблема «скотьего бога» Волоса, подводящая нас к другой фундаментальной загадке русско-византийских договоров. Вопрос о том, можно ли также и Волоса соотнести с каким-нибудь богом скандинавского пантеона, тесно сопряжен с другой проблемой – почему Волос, в отличие от Перуна, не указан в договоре 944 года?

Если сходство Перуна с Тором сомнений не вызывает, то относительно Волоса все гораздо сложнее – в скандинавской мифологии нет персонажа, которого можно было бы охарактеризовать если не исключительно, то хотя бы *преимущественно* как «скотьего бога». Версий было выдвинуто множество, но ни одну из них невозможно принять без натяжек. Например, М. Фасмер находил интересным сопоставление Волоса со

скандинавским демоном Волси, связанного с плодородием и фаллическим культом [43, с. 343]. Однако божество плодородия скорее должно было бы увязываться с растениями, нежели со скотом или, во всяком случае, не исключительно со скотом. Другая версия, впервые выдвинутая еще В. О. Ключевским, толкует слово «скот» как «деньги» [14, с. 133], соответственно Волос становится богом богатства. В этом случае вырисовывается соблазнительная спекуляция: античная традиция в соответствии с interpretatio Romana передавала имя «Вотан» как «Меркурий», а Меркурий – бог торговли и богатства, тогда скотий бог Волос – это Один; в подтверждение можно привести «Слово о полку Игореве», в котором певец Боян назван Велесовым внуком – ведь Один известен как похититель меда поэзии. Впрочем, спекуляция сразу разбивается о тот факт, что тождественность Волоса с Велесом совсем не бесспорна. Волос явно связан со святым Власием из Каппадокии, считающимся покровителем скота; при этом, как заметил Ловмянский, Власий в качестве покровителя скота известен не только на Руси, но и на Балканах, в Западной Европе и в Византии, что делает невероятным предположение, будто на Власия были перенесены функции Велеса, тем более что ни в одном из источников Велес не увязывался с охраной скота [19, с. 88-89]. Согласно Фасмеру, история русского языка не дает оснований считать переход Велеса в Волоса правдоподобным [43, с. 287]. Слово «скот» в значении «деньги, богатство» действительно зафиксировано в древнерусском языке: например, в Лаврентьевской летописи под 1018 годом сказано, что посадник Константин и новгородцы «начаша скот брати от мужа по четыри куны, а от старост по 10 гривен, а от бояр по осмидесять гривен» [33, с. 143]. Однако же прилагательное «скотий» в древнерусском языке употреблялось только по отношению к домашнему скоту, случаев его употребления в значении «денежный», «относящийся к богатству» пока что не отмечено [38, с. 8; 39, с. 385].

Ни одно из предложенных объяснений отсутствия Волоса в договоре 944 года не свободно от натяжек и уязвимых мест. Предполагалось, что имя Волоса (тождественное Велесу) связано с водой, поэтому им клялись участники морского похода Олега; однако же Игорь, согласно ПВЛ, в 944 г. тоже совершал поход на лодьях, но в его договоре Волоса нет, в то время Святослав, воевавший преимущественно на суше, Волоса поминает. Появление Волоса в Олеговом договоре объясняли наличием в его войске финно-угорских племен – однако никаких сведений об участии финно-угров в балканских походах Святослава нет, к тому же в угрофинских краях поминали не Волоса, а Велеса. Волоса как «бога мира» противопоставляли «богу войны» Перуну, а его отсутствие в договоре 944 объяснялось тем, что он был заключен в мирной обстановке; но, как справедливо заметил Клейн, логичней было бы обратная ситуация – в мирной обстановке можно было бы обойтись без упоминания бога воинов. Отвергнув все эти объяснения, Клейн предложил свое: поскольку, в отличие от Игоря, атаковавшего с моря, Олег и Святослав осуществляли свой натиск через Балканы, то «для Олега и Святослава в скреплении кляты был чрезвычайно важен, кроме Перуна, некий бог, хотя и почитаемый в восточнославянских землях, но особенно популярный у балканских славян, тогда как для Игоря это не имело такого значения» [11, с. 146]. Под балканскими славянами тут можно понимать только болгар, но Болгария к тому времени уже была крещена, так что у русов не было никаких оснований считать ее землей скотьего бога Волоса. Поход Игоря 944 года, согласно летописи, тоже не был чисто морским, в союзниках у него были печенеги, которых он посылал воевать Болгарскую землю. К тому же, как заметил сам

Клейн, Волоса на Балканах никогда не знали, там был популярен святой Власий [11, с. 147], так что, если бы Олег и Святослав искали поддержки у балканских славян, разумнее было бы кляться именно им.

Пытаясь решить вопрос об отсутствии Волоса в договоре 944 года, исследователи, как видно из вышеизложенного, сосредотачиваются на обстоятельствах походов руси на Византию, на различия в составах войск, направлении их движения и т. п. Однако такого рода ориентиры не очень надежны с учетом того, что летописные рассказы о походах Олега, Игоря и Святослава составлялись столетия спустя после описываемых в них событий. Поэтому стоит попробовать другой путь: сосредоточиться не на сопутствующих договорам событиях, а на самих договорах, точнее – на том, в каком виде они нам даны в ПВЛ.

Из четырех русско-византийских договоров лишь два – 911 и 944 гг. – представлены как полные и обстоятельные переводы греческих подлинников, четко отделенные от основного авторского текста ПВЛ. Относительно договора 907 г. этого сказать нельзя. Как сам этот договор, так и предшествующий ему поход Олега вызывали сомнения у целого ряда исследователей. Не углубляясь в необозримую полемику по этому вопросу, отметим, что, даже если признать поход реальным, а договор подлинным, это не отменяет того обстоятельства, что текст договора подвергся значительной литературной переработке. Он не содержит формулировки «другого совещания», неизменно маркирующей другие переводы договоров, в него вписаны мало правдоподобные известия о выплате Византией астрономического размера дани и о целовании императорами креста, его текст местами преображается из пересказа документа в литературный диалог («И реста царя и боярство все: аще придоут Роусь бес купли…» и проч. [33, с. 31]). Летописный текст, без сомнения, содержит в себе реальный перевод с греческого оригинала (другой вопрос – не является ли этот перевод извлечениями из договора 911 г.), но не целиком, а фрагментарно, и эти фрагменты – лишь один из элементов (наряду с легендами об Олеге и собственным творчеством), из которых летописец компонует свой рассказ. Поэтому клятва Олега «своим» богом Перуном и «скотьим» богом Волосом в договоре 907 года не может априори считаться документальным свидетельством: в равной степени вероятно, что эта клятва – продукт творчества составителя ПВЛ.

Ловмянский полагал, что в договор 907 года имя Волоса попало из договора 971 года [19, с 370]. Той же точки зрения придерживается украинский исследователь А. П. Толочко, полностью отрицающий реальность похода и договора 907 г. [40, с. 269]. Однако реальность договора и точность его передачи в летописи – разные вопросы. Договор Святослава с Цимисхием – несомненный исторический факт, подтверждаемый двумя независимыми друг от друга источниками («Историей» Льва Диакона и Начальной летописью). Однако же текст этого договора в летописи тоже подвергся литературной правке – не менее существенной, чем мнимый или реальный договор 907 года. Как и договоры 911 и 944 гг., договор Святослава содержит заимствованную у византийцев формулировку «иного совещания», но этим, собственно, следы греческого влияния и ограничиваются. Исследователями неоднократно отмечались явные следы русской редактуры текста, такие как эпитет «боговдохновенные» по отношению к греческим царям, оформление заключительной части договора как русской клятвы, не характерное для византийской дипломатии обозначение места заключения договора, скрепление его княжескими печатями, изложение текста соглашения от лица Святослава, причем русский князь клянется не только Перуном и Волосом, но и «от Бога, в его же веруем», как если бы он был хри-

стианином [36, с. 187-189]. Согласно Льву Диакону, ромеи по условиям договора снабжали «тавроскифов» продовольствием, гарантировали им свободный уход из Мизии, обещали не нападать на них с огненосными кораблями и дружески принимать их купцов [18, с. 81] – все это не нашло никакого отражения в тексте ПВЛ. Перевод договора, несомненно, подвергся сильному сокращению, на что указывает уже его предельная лаконичность – его объем меньше даже договора 907 года, не говоря уже о договорах 911 и 907 гг. Если краткость договора 907 года можно связать с его предполагаемым прелиминарным характером, то договор Святослава с Цимисхием был окончательным и потому его телеграммную краткость невозможно объяснить ничем, кроме редактуры летописца.

Возможно, такого рода вмешательство в текст понадобилось летописцу для того, чтобы заретушировать катастрофические для Святослава итоги его войны, которая в летописи представлена победоносной. Так или иначе под 971 годом в ПВЛ дан не перевод подлинного договора, а его краткий и вольный пересказ.

В договоре 911 года имеется заметная лакуна – в нем не указаны условия проживания русских купцов в Константинополе и нет клятвы от имени богов, послы клянутся «по закону русскому». Скорее всего, как полагал еще А. А. Шахматов [45, с. 386], соответствующее место из договора было изъято составителем ПВЛ для конструирования договора 907 года, призванного согласовать несоответствие между легендой, в которой Византия выплачивала Олегу огромную дань и документальным источником (договором 911 года), в котором о дани не говорилось ни намеком. В любом случае, в договоре 911 года ни Перун, ни Волос не названы.

Договор 944 года – наиболее полный и наименее искаженный из всех представленных в ПВЛ. В нем Перун поминается дважды, и оба раз без сопровождения «скотьего бога» Волоса [33, с. 47-48, 53; 34, с. 36, 41]. Аутентичность этого перевода, помимо прочего, подтверждается специфической формой клятвой русов на оружии, соответствующей скандинавским традициям [5], о которых летописец XII века знать не мог.

Таким образом, в двух полнотекстовых переводах русско-византийских договоров – 911, 944 гг. – языческие боги либо вообще не поминаются (911 г.), либо фигурирует только Перун (944). Имя Волоса появляется лишь в тех договорах, текст которых значительно переработан составителем ПВЛ. Это означает, что принесение клятвы от имени *двух* языческих божеств – свидетельство не документальное, а нарративное; оно отражает не реалии документального источника, а представления летописца. В документальном же источнике – переводе договора 944 г. – фигурирует лишь *одно* божество, названное в летописи Перуном. В сомнительных случаях документальный источник, безусловно, имеет приоритет над нарративным, потому следует полагать, что русы при заключении договоров клялись одним богом, а имя второго божества было добавлено летописцем.

В представлении древнерусского книжника язычество, «идолопоклонство» было неотделимо от многобожия: в «Речи философа» в ПВЛ люди, прельщенные дьяволом, «начаша кумиры творити, оны древняны, овы медяны, а друзии мрамаряны, а иные златы и сребрены» [33, с. 91]. Множественность и многообразие кумиров подразумевало не менее пестрое разнообразие языческих божеств, и потому неудивительно, что, встретив в тексте своего источника упоминание о клятве язычниками только одним богом, летописец посчитал это ошибкой и внес свою корректуру. Он, конечно, мог бы назначить в «напарники» к Перуну любого персонажа из Владимирова пантеона, уже знакомого ему по Начальному своду, но, по-видимому, у него была особая причина назвать именно Волоса. Стоит об-

ратить внимание на то, что Волос – единственный из упоминаемых в источниках славянских божеств, для которого четко указана его специализация – «скотий бог». Если составитель ПВЛ посчитал нужным снабдить упоминание о Волосе пояснительной глоссой, то у него, по-видимому, были основания полагать, что не все его потенциальные читатели поймут, о каком таком Волосе идет речь. Сведения о скотьем боге, откуда бы они ни были получены, являлись, таким образом, личной находкой летописца, которой он счел необходимым поделиться.

Все последующие упоминания Волоса в древнерусской литературе неизменно сопровождались определением «скотий бог», что маркирует их заимствования из ПВЛ. Таково, например, известие о низвержении идола Волоса в Почайну по возвращению Владимира Святого из Корсуня в «Обычном житии Владимира», известного по спискам не ранее XV века [30, с. 26]. Правда, Шахматов возводил это упоминание к реконструируемому им самим тексту гипотетической Корсунской легенды, которой воспользовался составитель Начального свода [44, с. 115]. В этом случае получается, что не только автор ПВЛ, но и автор предшествующего ей Начального свода, располагая сведениями о скотьем боге Волосе, не включил его в число богов, идолы которых были установлены Владимиром в Киеве. Однако составитель ПВЛ уже располагал готовым текстом с описанием Владимирова пантеона, не доверять которому у него не было никаких оснований, за исключением собственных догадок о скотьем боге Волосе, которые он посчитал за лучшее внести в свой собственный текст. Но что могло побудить автора Начального слова умалчивать о Волосе – трудно представить даже теоретически[2]. Впрочем, сама по себе реконструкция Корсунской легенды Шахматовым небесспорна. Но даже если признать ее основательной, совершенно необязательно настаивать на том, что в ней фигурировало известие о свержении идола скотьего бога Волоса в Почайну: этот фрагмент можно спокойно удалить без малейшего вреда для основного костяка гипотезы – существование особой легенды о взятии Владимиром Корсуня, использованной при составлении Начального свода.

Таким образом, представляется обоснованной следующая реконструкция: русы при заключении договоров с Византией клялись своим скандинавским богом Тором, который в византийских подлинниках договоров был обозначен либо Зевсом или Юпитером, либо как творец молний, а при переводе либо при составлении ПВЛ получил имя Перуна. Имя Волоса было добавлено составителем ПВЛ чтобы согласовать свой рассказ с априорным ожиданием многобожия у язычников.

[2] Объяснение, предлагаемое Шахматовым (перенос составителем Начального свода места крещения киевлян с Почайны на Днепр, поскольку Почайна, *быть может,* к концу XI в. уже пересохла) едва ли можно признать основательным: из низвержения Волоса в Почайну вовсе не следует, что именно в ней должны были крестить киевлян, к тому же, если уж летописец решился дать волю своей фантазии, ничто не мешало ему сбросить Волоса в Днепр [44, с. 96].

Список источников и литературы

1. Александрия первой редакции / Истрин В. М. Александрия русских хронографов. Исследование и текст. Москва: Унив. тип., 1893. – VIII, 362, II, 356 с.

2. *Андрощук Ф., Зоценко В.* Скандинавские древности Южной Руси. Каталог. Paris, 2012. 367 с.

3. *Бибиков М. В.* Современные исследования договоров Руси и Византии X века // Христианство на Ближнем Востоке. 2024. Т. 8 №3 С. 77-92.

4. *Гальковский Н. М.* Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. М.: Академический проект; Фонд «Мир», 2013. 575 с.

5. *Губарев О. Л.* Клятва русов как этнический маркер // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2025. № 1 (29). С. 173-186.

6. *Елиферова М. В.* Англосаксонский след в договорах Руси с Византией // Древнейшие государства Восточной Европы. / Российская академия наук, Институт всеобщей истории. 2019/2020 годы: Дипломатические практики античности и средневековья. Москва: Русский фонд содействия образованию и науке. 2020. С. 51-72.

7. *Ениосова Н. В., Пушкина Т. А.* Свечи и воск в погребениях Гнёздовского некрополя // Край Смоленский. 2025 №1. С. 29-34.

8. *Иловайский Д. И.* Разыскания о начале Руси. Вместо введения в русскую историю. Москва, 1876.

9. Исландские саги. Перевод с древнеисландского языка, общая редакция и комментарии А. В. Циммерлинга. Т.2. Москва: Языки славянской культуры, 2004 с. 608 с.

10. *Истрин В. М.* «Хроника» Иоанна Малалы в славянском переводе. Репринтное издание материалов В. М. Истрина. Подготовка издания, вступительная статья и примечания М. И. Чернышовой. Москва: «Джон Уайли энд Санз», 1994. 473 с.

11. *Клейн Л. С.* Воскрешение Перуна. К реконструкции славянского язычества. Санкт-Петербург: Евразия, 2017. 480 с.

12. *Клейн Л. С.* Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. Санкт-Петербург: Евразия, 2017. 400 с.

13. *Клейн Л. С., Лебедев Г. С., Назаренко В. А.* Норманнские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения. / Исторические связи Скандинавии и России IX-XX вв. Под ред. Н. Е. Носова и И. П. Шаскольского. Ленинград: Наука, 1971. С. 226-252.

14. *Ключевский В. О.* Сочинения: в 9-ти т. Т. I. Курс русской истории. Ч. 1. Москва: Мысль, 1987. 430 с.

15. *Колибенко О. В., Тетеря Д. А.* Вали дитинця Переяславля Руського у світлі археологічних досліджень // Слов'яни і Русь: археологія та історія. – Київ: Стародавній Світ, 2013. С. 122-132.

16. *Крыласова Н. Б.* Подвеска со знаком Рюриковичей из Рождественского могильника // Российская археология, 1995. №2 С. 192-197.

17. *Кузьмин А. Г.* Славяне и Русь: проблемы и идеи. Концепции, рожденные трехвековой полемикой, в хрестоматийном изложении. 3-е изд.. Москва: Флинта, Наука, 1999. 483 с.

18. *Лев Диакон.* История. Перевод М. М. Копыленко. Москва: Наука, 1988.

19. *Ловмянский Г.* Религия славян и ее упадок (VI-XII вв.). Санкт-Петербург: Академический проект, 2003. 512 с.

20. *Максимович К. А.* Договоры Руси с Византией X в.: проблемы датировки, языка и традиции текста // Византийские очерки. СПб., 2022. С. 165-201.

21. *Малингуди Я.* Русско-византийские договоры X века с точки зрения дипломатики. // Византийский временник. Москва, 1996. Т. 56 (81). С. 68-91.

22. *Малингуди Я.* Русско-византийские договоры X века с точки зрения дипломатики. // Византийский временник. Москва, 1997. Т. 57 (82). С. 58-87.

23. *Мельникова Е. А.* Источниковедческий аспект изучения скандинавских личных имен в древнерусских летописных текстах // У источника: сб. статей в честь чл.-корр. С. М. Каштанова. М., 1997. Вып.1. Ч.1. С. 82-92.

24. *Мельникова Е. А.* Скандинавские рунические надписи. Новые находки и интерпретации. Тексты, перевод, комментарий. Москва. «Восточная литература». 2001. 496 с.

25. *Мельникова Е. А.* Воист Воиков русско-византийского договора 944 г. и состав элиты Руси середины X в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2025. №2 (100). С. 7-21.

26. *Михайлов К. А.* Элитарный погребальный обряд Древней Руси: камерные погребения IX – начала XI века в контексте североевропейских аналогий. СПб.: Бранко, 2016. 272 С.

27. *Мусин А. Е.* Скандинавское язычество на Востоке по данным археологии: общее и особенное // Вишняцкий Л.Б. (ред.) Российский археологический ежегодник. №2. СПб: Изд-во С.-Петерб. ун-та. 2012. С. 555-602.

28. *Новикова Л. Г.* Скандинавские амулеты из Гнездова. / Смоленск и Гнёздово (к истории древнерусского города). Издательство МГУ, 1991 г. С. 175-199.

29. *Обнорский С. П.* Язык договоров русских с греками. // Язык и мышление. Т. 6-7. Ин-т языка и мышления Н. Я. Марра. АН СССР, 1936. С. 79-103.

30. Обычное житие Владимира // Соболевский А. И. В память исполнившегося 900-летия Крещения Руси. / Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца. Книга вторая. Киев, 1888. С. 24-28.

31. *Петрухин В. Я.* Погребения знати эпохи викингов (по данным археологии и литературных памятников). Скандинавский сборник XXI. – Таллин: Ээсти Раамат, 1976. С. 153-170.

32. *Петрухин В. Я.* Русь в IX–X веках. От призвания варягов до выбора веры. 3-е изд., испр. и доп. Москва: Неолит, 2017. 464 с.

33. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т.1. Лаврентьевская летопись. Вып. 1: Повесть временных лет. Изд. 2-е. Ленинград, 1928.

34. ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. Изд. 2-е. Санкт-Петербург, 1908.

35. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Перевод и комментарий под редакцией академика И. Ю. Крачковского. Издательство Академии Наук СССР. Москва, Ленинград, 1939.

36. *Сахаров А. Н.* Дипломатия Святослава. Москва: Международные отношения, 1982. 282 с.

37. *Серебрянский Н. И.* Древнерусские княжеские жития. // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1915 год. Книга 3 (254). Москва., 1915. С. I–IV + 1–296 + 1–186 + I–IV.

38. Словарь русского языка XI–XVIII вв. Вып. 25. Москва: Наука, 2000. 273 с.

39. *Срезневский И. И.* Материалы для исследования древне-русского языка по письменным памятникам. Т.3. Санкт-Петерубрг, 1912.

40. *Толочко А. П.* 334 Очерки начальной Руси. Киев, Санкт-Петербург: Лаурус, 2015. 336 с.

41. *Толочко П. П.* История Украины. VI-XXI вв. 2-е изд., испр. и доп. Киев, Москва: «Киевская Русь»; Кучково поле, 2018. 472 с.

42. *Успенский Ф. Б.* Варяжское имя в русском обиходе: к этимологии слова «олух». // Успенский Ф. Б. Скандинавы. Варяги. Русь.: Историко-филологические очерки. М., 2002. С. 111-138.

43. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Изд. 2-е. В 4 тт. Т.1. (А-Д.). Москва: Прогресс, 1986. 576 с.

44. *Шахматов А. А.* Корсунская легенда о крещении Владимира. Изд. 2-е. Москва: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2011. 128 с.

45. *Шахматов А. А.* Несколько замечаний о договорах с греками Олега и Игоря // Записки Неофилологического общества. Вып. 8. Петроград, 1914. С. 385-400.

46. *Щапов А. П.* Сочинения в 3 тт. Т. 1. СПб, 1906. 803 с.

47. Androshchuk F. Symbols of Faith or Symbols of Status? Christian Objects in Tenth-Century Rus´ / Early Christianity on the Way from the Varangians to the Greeks. Ed. b. I. Garipzanov and O. Tolochko. Kiev, 2011. Kiev: Institute of Ukrainian History, 2011), 148 p. (Ruthenica. Supplementum 4).

48. Book of Settlement of Iceland. Translate from original Icelandic of Ari the Learned by Rev. T. Ellwood. Kendal, 1898.

49. Constantine Porphyrogenitus. De Administrando Imperio. Greek text edited by Gy. Moravcsik. English translation by R. J. H. Jenkis. Dumbarton Oaks. Center für Byzantine Studies. Trustees for Harvard University. Washington, District of Columbia, 1967.

50. Die Edda die ältere und jüngere nebst den mythischen Erzählungen der Skalda. übersetzt und mit Erläuterungen begleitet von Karl Simrock. Sechste verbeßerte Auflage. Stuttgart, 1876.

51. Haase F. Volksglaube und Brauchtum der Ostslaven. Breslau, 1939.

52. Lind J.-H. The Russo-Byzantine Treaties and the Early Urban Structure of Rus' // The Slavonic and East European Review. London, 1984, vol. 62, no. 3, pp. 362–370.

53. Procopius. Works in 7 vols. Vol. 4 History of the wars. Books VI (continued) and VII. (Ancient Greek and English Translation). London, New York, 1914.

Аряев Леонид Николаевич – независимый исследователь, (г. Зальфельд, Германия), l.aryayev@yandex.ru

SWEAR OF RUSSES TO PERUN AND VOLOS IN RUS-BYZANTINE TREATIES OF THE 10TH CENTERY

L. N. Aryayev

In the treaties with Byzantium, the Rus bear Norman names, but swear to the names of the Slavic gods Perun and Volos. The previously proposed explanations for this paradox are not supported by the sources. According to the proposed reconstruction, the Rus swore to Thor, who in the Greek original was designated either as Zeus or as the creator of lightning. When translating the treaty into Old Russian or when compiling the Primary Chronicle he was called Perun. The appearance of Volos in the treaties of 907 and 971 is associated with the editing of the compiler of the Primary Chronicle.

Keywords: Russian-byzantine treaties of 907, 911, 944 and 971, swear, Perun, Volos, Thor, Saint Blaise, Slavic-Scandinavian contacts.

References

1. Aleksandriya pervoj redakcii [The Alexandria of the First Redaction] / Istrin V. M. Aleksandriya russkikh khronografov. Issledovanie i tekst [The Alexandria of Russian Chronographs. Research and Text]. – Moscow: Universitetskaya tip., 1893. – VIII, 362, II, 356 p. (In Russ.)

2. *Androshchuk F., Zotsenko V.* Skandinavskie drevnosti Yuzhnoj Rusi. Katalog [Scandinavian Antiquities of Southern Rus'. Catalogue]. – Paris, 2012. – 367 p. (In Russ.)

3. *Bibikov M. V.* Sovremennye issledovaniya dogovorov Rusi i Vizantii X veka [Modern Studies of the Treaties between Rus' and Byzantium in the 10th Century] // Khristianstvo na Blizhnem Vostoke [Christianity in the Middle East]. – 2024. – Vol. 8, No. 3. – pp. 77-92. (In Russ.)

4. *Gal'kovskij N. M.* Bor'ba khristianstva s ostatkami yazychestva v Drevnej Rusi [The Struggle of Christianity against the Remnants of Paganism in Ancient Rus']. – Moscow: Akademicheskij proekt; Fond "Mir", 2013. – 575 p. (In Russ.)

5. *Gubarev O. L.* Klyatva rusov kak ehtnicheskij marker [The Oath of the Rus' as an Ethnic Marker] // Paleorosiya. Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh [Paleorosia. Ancient Rus': in Time, in Personalities, in Ideas]. – 2025. – No. 1 (29). – pp. 173-186. (In Russ.)

6. *Eliferova M. V.* Anglosaksonskij sled v dogovorakh Rusi s Vizantiej [The Anglo-Saxon Trace in the Treaties of Rus' with Byzantium] // Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 2019/2020 gody: Diplomaticheskie praktiki antichnosti i srednevekov'ya [The Earliest States of Eastern Europe. 2019/2020: Diplomatic Practices of Antiquity and the Middle Ages] / Rossijskaya akademiya nauk, Institut vseobshchej istorii. – Moscow: Russkij fond sodejstviya obrazovaniyu i nauke, 2020. – pp. 51-72. (In Russ.)

7. *Eniosova N. V., Pushkina T. A.* Svechi i vosk v pogrebeniyakh Gnyozdovskogo nekropolya [Candles and Wax in the Burials of the Gnezdovo Necropolis] // Kraj Smolenskij [Smolensk Region]. – 2025. – No. 1. – pp. 29-34. (In Russ.)

8. *Ilovajskij D. I.* Razyskaniya o nachale Rusi. Vmesto vvedeniya v russkuyu istoriyu [Investigations on the Beginning of Rus'. In Lieu of an Introduction to Russian History]. – Moscow, 1876. (In Russ.)

9. Islandskie sagi [Icelandic Sagas]. Per. s drevneisl. yaz., obshch. red. i komment. A. V. Tsimmerlinga. – Vol. 2. – Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004. – 608 p. (In Russ.)

10. *Istrin V. M.* "Khronika" Ioanna Malaly v slavyanskom perevode [The "Chronicle" of John Malalas in Slavic Translation]. Reprintnoe izdanie materialov V. M. Istrina. Podgotovka izdaniya, vstupitel'naya stat'ya i primechaniya M. I. Chernyshovoj. – Moscow: "Dzhon Uajli ehnd Sanz", 1994. – 473 p. (In Russ.)

11. *Klejn L. S.* Voskreshenie Peruna. K rekonstrukcii slavyanskogo yazychestva [The Resurrection of Perun. Towards a Reconstruction of Slavic Paganism]. – Saint Petersburg: Evraziya, 2017. – 480 p. (In Russ.)

12. *Klejn L. S.* Spor o varyagakh. Istoriya protivostoyaniya i argumenty storon [The Debate about the Varangians. History of the Controversy and Arguments of the Parties]. – Saint Petersburg: Evraziya, 2017. – 400 p. (In Russ.)

13. *Klejn L. S., Lebedev G. S., Nazarenko V. A.* Normannskie drevnosti Kievskoj Rusi na sovremennom ehtape arkheologicheskogo izucheniya [Norman Antiquities of Kievan Rus' at the Current Stage of Archaeological Study] // Istoricheskie svyazi Skandinavii i Rossii IX-XX vv. [Historical Ties between Scandinavia and Russia in the 9th-20th Centuries] / Ed. by N. E. Nosov and I. P. Shaskol'skij. – Leningrad: Nauka, 1971. – pp. 226-252. (In Russ.)

14. *Klyuchevskij V. O.* Sochineniya: v 9-ti t. [Works: in 9 vols.]. Vol. I. Kurs russkoj istorii. Ch. 1 [Course of Russian History. Part 1]. – Moscow: Mysl', 1987. – 430 p. (In Russ.)

15. *Kolibenko O. V., Tetya D. A.* Vali ditincya Pereyaslavlya Rus'kogo u svitli arheologichnih doslidzhen' [The Ramparts of the Citadel of Pereyaslavl' Rus'kyi in the Light of Archaeological Research] // Slov'yani i Rus': arheologiya ta istoriya [Slavs and Rus': Archaeology and History]. – Kiev: Starodavnij Svit, 2013. – pp. 122-132. (In Ukrainian)

16. *Krylasova N. B.* Podveska so znakom Ryurikovichej iz Rozhdestvenskogo mogil'nika [A Pendant with the Sign of the Rurikids from the Rozhdestvensky Burial Ground] // Rossijskaya arkheologiya [Russian Archaeology]. – 1995. – No. 2. – pp. 192-197. (In Russ.)

17. *Kuz'min A. G.* Slavyane i Rus': problemy i idei. Koncepcii, rozhdennye trekhvekovoj polemikoj, v khrestomatijnom izlozhenii [Slavs and Rus': Problems and Ideas. Concepts Born of a Three-Century Polemic, Presented in a Chrestomathy Form]. – 3rd ed. – Moscow: Flinta, Nauka, 1999. – 483 p. (In Russ.)

18. *Lev Diakon.* Istoriya [Leo the Deacon. History]. Per. M. M. Kopylenko. – Moscow: Nauka, 1988. (In Russ.)

19. *Lovmyanskij G.* Religiya slavyan i ee upadok (VI-XII vv.) [The Religion of the Slavs and its Decline (6th-12th centuries)]. – Saint Petersburg: Akademicheskij proekt, 2003. – 512 p. (In Russ.)

20. *Maksimovich K. A.* Dogovory Rusi s Vizantiej X v.: problemy datirovki, yazyka i tradicii teksta [The Treaties of Rus' with Byzantium in the 10th Century: Problems of Dating, Language and Textual Tradition] // Vizantijskie ocherki [Byzantine Studies]. – Saint Petersburg, 2022. – pp. 165-201. (In Russ.)

21. *Malingudi Ya.* Russko-vizantijskie dogovory X veka s tochki zreniya diplomatiki [The Rus'-Byzantine Treaties of the 10th Century from the Point of View of Diplomatics] // Vizantijskij vremennik [Byzantine Chronicle]. – Moscow, 1996. – Vol. 56 (81). – pp. 68-91. (In Russ.)

22. *Malingudi Ya.* Russko-vizantijskie dogovory X veka s tochki zreniya diplomatiki [The Rus'-Byzantine Treaties of the 10th Century from the Point of View of Diplomatics] // Vizantijskij vremennik [Byzantine Chronicle]. – Moscow, 1997. – Vol. 57 (82). – pp. 58-87. (In Russ.)

23. *Mel'nikova E. A.* Istochnikovedcheskij aspekt izucheniya skandinavskikh lichnykh imen v drevnerusskikh letopisnykh tekstakh [Source Study Aspect of the Research on Scandinavian Personal Names in Old Russian Chronicle Texts] // U istochnika: sb. statej v chest' chl.-korr. S. M. Kashtanova [At the Source: Collection of Articles in Honor of Corresponding Member S. M. Kashtanov]. – Moscow, 1997. – Iss. 1, Part 1. – pp. 82-92. (In Russ.)

24. *Mel'nikova E. A.* Skandinavskie runicheskie nadpisi. Novye nakhodki i interpretacii. Teksty, perevod, kommentarij [Scandinavian Runic Inscriptions. New Finds and Interpretations. Texts, Translation, Commentary]. – Moscow: "Vostochnaya literatura", 2001. – 496 p. (In Russ.)

25. *Mel'nikova E. A.* Voist Voikov russko-vizantijskogo dogovora 944 g. i sostav ehlity Rusi serediny X v. [Voist Voikov of the Rus'-Byzantine Treaty of 944 and the Composition of the Rus'

Elite in the Mid-10th Century] // Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki [Old Rus'. Questions of Medieval Studies]. – 2025. – No. 2 (100). – pp. 7-21. (In Russ.)

26. *Mikhajlov K. A.* Ehlitarnyj pogrebal'nyj obryad Drevnej Rusi: kamernye pogrebeniya IKh – nachala XI veka v kontekste severoevropejskikh analogij [The Elite Funeral Rite of Ancient Rus': Chamber Burials of the 9th – Early 11th Century in the Context of Northern European Analogies]. – Saint Petersburg: Branko, 2016. – 272 p. (In Russ.)

27. *Musin A. E.* Skandinavskoe yazychestvo na Vostoke po dannym arkheologii: obshchee i osobennoe [Scandinavian Paganism in the East According to Archaeological Data: General and Specific] // Vishnyackij L.B. (red.) Rossijskij arkheologicheskij ezhegodnik [Russian Archaeological Yearbook]. – No. 2. – Saint Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2012. – pp. 555-602. (In Russ.)

28. *Novikova L. G.* Skandinavskie amulety iz Gnezdova [Scandinavian Amulets from Gnezdovo] / Smolensk i Gnyozdovo (k istorii drevnerusskogo goroda) [Smolensk and Gnezdovo (Towards the History of an Old Russian City)]. – Moscow: Izdatel'stvo MGU, 1991. – pp. 175-199. (In Russ.)

29. *Obnorskij S. P.* Yazyk dogovorov russkikh s grekami [The Language of the Treaties of the Rus' with the Greeks] // Yazyk i myshlenie [Language and Thought]. Vol. 6-7. In-t yazyka i myshleniya N. Ya. Marra. AN SSSR. – 1936. – pp. 79-103. (In Russ.)

30. Obychnoe zhitie Vladimira [The Ordinary Life of Vladimir] // Sobolevskij A. I. V pamyat' ispolnivshegosya 900-letiya Kreshcheniya Rusi [In Memory of the 900th Anniversary of the Baptism of Rus'] / Chteniya v Istoricheskom obshchestve Nestora Letopisca [Readings in the Historical Society of Nestor the Chronicler]. – Book Two. – Kiev, 1888. – pp. 24-28. (In Russ.)

31. *Petrukhin V. Ya.* Pogrebeniya znati ehpokhi vikingov (po dannym arkheologii i literaturnykh pamyatnikov) [Burials of Nobles in the Viking Age (According to Archaeology and Literary Monuments)] // Skandinavskij sbornik XXI [Scandinavian Collection XXI]. – Tallinn: Eesti Raamat, 1976. – pp. 153-170. (In Russ.)

32. *Petrukhin V. Ya.* Rus' v IX–X vekakh. Ot prizvaniya varyagov do vybora very [Rus' in the 9th–10th Centuries. From the Calling of the Varangians to the Choice of Faith]. – 3rd ed., ispr. i dop. – Moscow: Neolit, 2017. – 464 p. (In Russ.)

33. Polnoe sobranie russkikh letopisej (PSRL) [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 1. Lavrent'evskaya letopis'. Vyp. 1: Povest' vremennykh let [The Laurentian Chronicle. Iss. 1: The Tale of Bygone Years]. – 2nd ed. – Leningrad, 1928. (In Russ.)

34. PSRL. Vol. 2. Ipat'evskaya letopis' [The Hypatian Chronicle]. – 2nd ed. – Saint Petersburg, 1908. (In Russ.)

35. Puteshestvie Ibn-Fadlana na Volgu [The Journey of Ibn Fadlan to the Volga]. Perevod i kommentarij pod redakciej akademika I. Yu. Krachkovskogo. – Moscow, Leningrad: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1939. (In Russ.)

36. *Sakharov A. N.* Diplomatiya Svyatoslava [The Diplomacy of Svyatoslav]. – Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1982. – 282 p. (In Russ.)

37. Serebryanskij N. I. Drevnerusskie knyazheskie zhitiya [Old Russian Princely Lives] // Chteniya v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostej rossijskikh pri Moskovskom universitete. 1915 god. Kniga 3 (254) [Readings in the Imperial Society of Russian History and Antiquities at Moscow University. Year 1915. Book 3 (254)]. – Moscow, 1915. – pp. I–IV + 1–296 + 1–186 + I–IV. (In Russ.)

38. Slovar' russkogo yazyka XI–XVIII vv. [Dictionary of the Russian Language of the 11th–18th Centuries]. Iss. 25. – Moscow: Nauka, 2000. – 273 p. (In Russ.)

39. *Sreznevskij I. I.* Materialy dlya issledovaniya drevne-russkogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam [Materials for the Study of the Old Russian Language Based on Written Monuments]. Vol. 3. – Saint Petersburg, 1912. (In Russ.)

40. *Tolochko A. P.* 334 Ocherki nachal'noj Rusi [334 Essays on Early Rus']. – Kiev, Saint Petersburg: Laurus, 2015. – 336 p. (In Russ.)

41. *Tolochko P. P.* Istoriya Ukrainy. VI-XXI vv. [History of Ukraine. 6th-21st centuries]. – 2nd ed., ispr. i dop. – Kiev, Moscow: "Kievskaya Rus'"; Kuchkovo pole, 2018. – 472 p. (In Russ.)

42. *Uspenskij F. B.* Varyazhskoe imya v russkom obikhode: k ehtimologii slova "olukh" [A Varangian Name in Russian Everyday Life: Towards the Etymology of the Word "olukh"] //

Uspenskij F. B. Skandinavy. Varyagi. Rus'.: Istoriko-filologicheskie ocherki [Scandinavians. Varangians. Rus': Historical and Philological Essays]. – Moscow, 2002. – pp. 111-138. (In Russ.)

43. *Fasmer M.* Ehtimologicheskij slovar' russkogo yazyka [Etymological Dictionary of the Russian Language]. – 2nd ed. In 4 vols. Vol. 1. (A-D.). – Moscow: Progress, 1986. – 576 p. (In Russ.)

44. *Shakhmatov A. A.* Korsunskaya legenda o kreshchenii Vladimira [The Korsun Legend about the Baptism of Vladimir]. – 2nd ed. – Moscow: Knizhnyj dom LIBROKOM, 2011. – 128 p. (In Russ.)

45. *Shakhmatov A. A.* Neskol'ko zamechanij o dogovorakh s grekami Olega i Igorya [A Few Remarks on the Treaties with the Greeks of Oleg and Igor] // Zapiski Neofilologicheskogo obshchestva [Notes of the Neo-Philological Society]. – Iss. 8. – Petrograd, 1914. – pp. 385-400. (In Russ.)

46. *Shchapov A. P.* Sochineniya v 3 tt. [Works in 3 vols.]. Vol. 1. – Saint Petersburg, 1906. – 803 p. (In Russ.)

47. *Androshchuk F.* Symbols of Faith or Symbols of Status? Christian Objects in Tenth-Century Rus´ / Early Christianity on the Way from the Varangians to the Greeks. Ed. b. I. Garipzanov and O. Tolochko. Kiev, 2011. Kiev: Institute of Ukrainian History, 2011), 148 p. (Ruthenica. Supplementum 4). (In Eng.)

48. Book of Settlement of Iceland. Translate from original Icelandic of Ari the Learned by Rev. T. Ellwood. Kendal, 1898. (In Eng.)

49. Constantine Porphyrogenitus. De Administrando Imperio. Greek text edited by Gy. Moravcsik. English translation by R. J. H. Jenkis. Dumbarton Oaks. Center für Byzantine Studies. Trustees for Harvard University. Washington, District of Columbia, 1967. (In Greek and Eng.)

50. Die Edda die ältere und jüngere nebst den mythischen Erzählungen der Skalda. übersetzt und mit Erläuterungen begleitet von Karl Simrock [The Edda, the Elder and the Younger, along with the mythical tales of the Skalda. Translated and accompanied by commentary by Karl Simrock]. Sechste verbeßerte Auflage. Stuttgart, 1876. (In Germ.)

51. *Haase F.* Volksglaube und Brauchtum der Ostslaven [Folk faiths and customs of the East Slavs]. Breslau, 1939. (In Germ.)

52. *Lind J.-H.* The Russo-Byzantine Treaties and the Early Urban Structure of Rus' // The Slavonic and East European Review. London, 1984, vol. 62, no. 3, pp. 362-370. (In Eng.)

53. Procopius. Works in 7 vols. Vol. 4 History of the wars. Books VI (continued) and VII. (Ancient Greek and English Translation). London, New York, 1914. (In Greek and Eng.)

Aryayev Leonid Nikolaevich – independent researcher, (Saalfeld, Germany), l.aryayev@yandex.ru

Статья поступила в редакцию: 19.11.2025; принята к публикации: 13.01.2026

ДЛЯ ЦИТРИРОВАНИЯ:

Аряев Л. Н. Клятва русов Перуном и Волосом в русско-византийских договорах X века // Социогуманитарные коммуникации. – 2026. – № 1(15). – С. 56-71.

FOR CITATION:

Aryayev L. N. Klyatva rusov Perunom i Volosom v russko-vizantijskih dogovorah X veka [Swear of russes to Perun und Volos in Rus-Byzantine treaties of the 10th century] // Sociogumanitarnye kommunikacii [Social and humanitarian communications]. 2026. № 1(15). P. 56-71.